Четвергъ, 23-го ноября (6-го декабря) 1906 г. № 224

РѢЧЬ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	...а годъ	...ѣс.	6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	12 р. — к.	9 р. — к.	6 р. 45 к.	5 р. 50 к.	4 р. 50 к.	3 р. 45 к.	2 р. 35 к.	1 р. 20 к.
За границу	20 „ — „	15 „ 50 „	11 „ — „	9 „ 50 „	7 „ 75 „	6 „ — „	4 „ — „	2 „ — „

При подпискѣ въ иностранныхъ почтамтахъ плата значительно понижается.

Студенты, уч...ія, учительницы и сельскіе священники, обращающіеся изъ Россіи непосредственно въ главн. контору, пользуются скидкой въ 25% съ подписной цѣны. За границу ...е имъ дѣлается скидка въ 10%.

Начальнымъ с...комъ подписки можетъ служить лишь первое число каждаго мѣсяца. Въ кредитъ и наложеннымъ платежомъ газета не высылается. Книгопродавцы, кіоски, потреб...льныя общества, комисіонныя конторы и др. посредники по пріему подписки удерживаютъ въ свою пользу съ подписной цѣны 5%.

ПЕРЕМѢНА ...ДРЕСА петербургскаго на петербургскій—безплатно, въ остальныхъ случаяхъ—30 к. (можно присылать почтовыми марками). При перемѣнѣ русскаго адреса на загра...чный доплачивается разница между подписной цѣной въ Россіи и за границей.

При возобнов...іи подписки, перемѣнѣ адреса и всякаго рода справкахъ необходимо представлять печатный адресъ или указывать адресъ и № подписной квитанціи.

РЕДАКЦІЯ, Г...АВН. КОНТОРА, ЭКСПЕДИЦІЯ И ТИПОГРАФІЯ Спб., ул. Жуковскаго, 21. Адресъ для телеграммъ: Спб., Рѣчь. Телефонъ редакціи № 7?? Телефонъ главной конторы и экспедиціи № 245—04.

ГОРОДСКІЯ ...НТОРЫ: 1) Спб., Невскій пр., 30, д. Учетн. Банка. Телеф. № 787. 2) Спб., Кирочная, 24, кв. 21. Телеф. № 3388.

РЕДАКЦІЯ от...рыта съ 2 до 4 ч. КОНТОРЫ И ЭКСПЕДИЦІЯ открыты съ 10 до 5 ч. По воскресеньямъ и въ дни двунадесятыхъ праздниковъ онѣ закрыты.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ Центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. МЕТЦЛЬ и Ко, СПБ., Морская, 11, телеф. № 989; МОСКВА—Мясницкая, д. Сытова; ВАРШАВА,—...ковское предмѣстье, 53, и въ городской конторѣ газетъ „Рѣчь“ и „Реформа“, Спб., Невскій, 30, д. Учетнаго Банка, телеф. № 787. Послѣ 6 ч. в. неотложныя объявленія ...гутъ быть сдаваемы въ типографію „Слово“, ул. Жуковскаго, 21 (наборная газеты „Рѣчь“).

ЦѢНА ОБЪЯ...ЛЕНІЙ за мѣсто, занимаемое строкою нонпареля: впереди текста—50 к.; позади текста—25 к., предложеніе труда—15 к. За объявленія въ видѣ вкладныхъ приложеній ... газетѣ вѣсомъ до 1 лота экземпляръ, взимается съ 1.000 штукъ 10 р., за каждый слѣдующій лотъ по 2 р. 50 к.

№ 224 С.-Петербургъ, Четвергъ, 23-го ноября (6-го декабря) 1906 г.

Въ этомъ номерѣ 6 страницъ

Цѣна отдѣльнаго № въ розничной продажѣ въ столицахъ и провинціи 5 коп.

Мы понимаемъ всю ядовитость этого вопроса „Нов. Вр.“, оно чрезвычайно искусно обнажило ахиллесову пяту министерства и уязвило его очень больно. Дѣйствительно, нельзя не признать, что такой шагъ шелъ бы въ разрѣзъ со всѣмъ направленіемъ дѣятельности кабинета, обнаруживалъ бы его непослѣдовательность.

Въ большомъ смущеніи мы останавливаемся также передъ 87 ст. основныхъ законовъ, которую теперь выдвигаетъ «Нов. Вр.» и которой насъ уже поддразнивала раньше «Россія». Послѣ того, какъ эта статья не могла удержать кабинетъ роспуска госуд. думы отъ глубочайшаго переворота во всемъ укладѣ крестьянской жизни, послѣ того, какъ, несмотря на эту статью, министерство распорядилось земельнымъ фондомъ, послѣ того, какъ этими законами созданы величайшія почти безвыходныя затрудненія для народныхъ представителей—самая пора наступила вспомнить о 87 ст., разъ рѣчь заходитъ даже о минимальномъ облегченіи наиболѣе угнетенной, наиболѣе страдающей группы населенія.

Но вопросъ все-таки не въ этомъ; есть препятствія, гораздо болѣе серьезныя, нежели 87 ст., съ которой министерство справилось болѣе чѣмъ легко и просто. Важно то, что въ этой борьбѣ противъ евреевъ трогательно объединились „Новое Вр.“ съ „Русскимъ Знаменемъ“ и прямо грозятъ погромами, если какая-нибудь реформа будетъ проведена въ пользу евреевъ.

„Народъ, такъ долго ждавшій,—этотъ русскій народъ, нераздѣльный, конечно, съ арміей, почувствуетъ въ самомъ наболѣвшемъ національномъ вопросѣ, что его предали, его бросили, что у него никого нѣтъ... Тогда надо будетъ ждать, что явленія пог-

насъ и черезъ думу 6 августа, и черезъ 17 октября къ устраненію тѣхъ основныхъ законовъ, къ защитѣ которыхъ онъ призывалъ.

И тѣмъ не менѣе предъ всякимъ, кто попробовалъ бы систематизировать разнообразныя явленія, которыми подарилъ насъ годъ практическаго примѣненія новой политической доктрины, именуемой «самодержавнымъ конституціонализмомъ», и возвести ихъ къ общимъ принципамъ, невольно встанетъ вопросъ: чьи начала болѣе живы въ русской дѣйствительности, начала манифеста или начала рескрипта?

Отвѣтьте сами себѣ на этотъ вопросъ, и вы убѣдитесь, что отдавать манифестъ 18 февраля исторіи рано. Прежде всего,—что касается фактовъ,—многіе ли изъ законовъ, регулирующихъ жизнь гражданина конституціонной Россіи изданы по разработкѣ и обсужденіи ихъ довѣріемъ народа облеченными людьми? Число такихъ законовъ извѣстно, оно выражается въ цифрѣ 1. Да и эта единица относится къ закону циркулярному, на частный случай изданному. А съ другой стороны, чѣмъ какъ не борьбой противъ дерзновенныхъ посягательствъ на «устои», противъ попытокъ «учредить новое управленіе страною на началахъ, отечеству нашему несвойственныхъ», занимается уже второй годъ правительство конституціонной Россіи? Правда, эти несвойственныя нашему отечеству начала называются теперь иначе, чѣмъ полтора года тому назадъ. Тогда они назывались началами конституціонализма, теперь ихъ называютъ началами парламентаризма, но суть дѣла отъ этого не мѣняется. Какъ и тогда, есть внутренняя смута, какъ и тогда, имѣются налицо злоумышленные вожди мятежнаго движенія, какъ и тогда, правительство стоитъ на стражѣ устоевъ и зоветъ на помощь себѣ благомыслящихъ людей.

Измѣнились этикетки, но суть осталась та же, и что дѣло обстоитъ именно такъ, въ этомъ лучше всего убѣдиться путемъ опредѣленія и учета тѣхъ «направленій», [illegible]

деніяхъ могутъ «въ сезонныхъ производствахъ, а также въ зависимости отъ мѣстныхъ условій жизни» производиться на два часа въ сутки (сверхъ общей 10-ти часовой нормы дѣйствительнаго рабочаго времени) въ теченіе однако не болѣе шестидесяти дней въ году.

Удлиненіе рабочаго времени для сезонныхъ производствъ намъ понятно и оно можетъ быть неизбѣжно. Но удлиненіе «по мѣстнымъ условіямъ жизни» не выдерживаетъ критики. Въ этомъ вопросѣ должны имѣть рѣшающее значеніе *условія производства какъ такового, гдѣ бы оно ни совершалось*, а не условія мѣстной жизни вообще. Въ концѣ концовъ эти «мѣстныя условія жизни» при несознательности и неорганизованности ремесленныхъ рабочихъ могутъ свестись къ голому усмотрѣнію городскихъ и земскихъ учрежденій или губернаторовъ. И это усмотрѣніе при указанныхъ условіяхъ легко можетъ явиться простымъ выраженіемъ односторонней воли хозяевъ.

Воскресный отдыхъ ремесленныхъ рабочихъ и послѣ закона 15 ноября въ основѣ своей регулируется ст. 430 уст. о пром., которая воспрещаетъ работать въ воскресный день и двунадесятые праздники «безъ необходимой нужды».

Органамъ, которымъ законъ поручилъ составленіе обязательныхъ постановленій въ его развитіе, предоставлено регулировать ими и вопросъ «о разрѣшеніи производить работы въ воскресные дни и двунадесятые праздники въ сезонныхъ производствахъ и въ случаяхъ необходимой нужды (ст. 430 уст. о пром.) съ тѣмъ, чтобы таковыя работы продолжались не болѣе восьми часовъ въ сутки» (ст. 5, п. г.). Вмѣсто этого сохраненія ст. 430, восполняемой и разъясняемой обязательными постановленіями, законъ долженъ былъ бы общимъ правиломъ для всѣхъ ремесленныхъ занятій поставить недѣльный отдыхъ, который, постепенно, но въ возможно болѣе короткій срокъ долженъ былъ бы быть доведенъ до 36 часовъ. Эти 36 часовъ [illegible]

[illegible] щины.

Въ Ригѣ обнаружены складъ оружія и тайная типографія. Произведены аресты.

Въ Бобруйскѣ обнаружена тайная типографія.

Въ Петербургѣ совершено покушеніе на бывшаго бѣлостокскаго пристава Шереметова. Убійца покончилъ съ собою.

Произведены нападенія: въ Кіевѣ—на квартиру банкира Гальперина; въ Радзивиловѣ—на помѣщика Франека; въ селѣ Гособоватцѣ, подъ Кіевомъ—на квартиру крестьянина.

[illegible] дать мужицкую думу. Теперь оно [illegible] что мужикъ его не поддержитъ и, вслѣдствіе [illegible] оно старается отдѣлаться отъ „мужика“. [illegible] ищетъ себѣ опоры въ другой средѣ. Это [illegible] у него даже внѣшній поводъ обвинять въ „оторванности отъ народа и безпочвенности“ оппозицію.

Сенату задана задача—дать администраціи возможность различныхъ модификацій для дѣленія предварительнаго съѣзда, сообразно ея мѣстнымъ „удобствамъ“. Проявитъ ли сенатъ и теперь свою податливость, подмѣнивъ ясный законъ ожидаемыми отъ него разъясненіями, или же онъ на этотъ разъ вспомнитъ о своемъ призваніи быть „хранителемъ закона?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ послѣдовать на-дняхъ.

* * *

Говоря о поворотѣ настроенія въ средѣ имущественныхъ классовъ, «Страна» говоритъ:

[illegible] статей называетъ [illegible] Даля» «подложной», «злоупотребленіемъ», «извращеніемъ», «подлогомъ», «фальсификаціей». Между тѣмъ всѣ редакторскія дополненія и прибавки тщательно отмѣчены особыми скобками и ихъ никакъ нельзя смѣшать съ подлиннымъ текстомъ Далева словаря. Изъ этого текста не выпущено ни одно слово; ни одна фраза не замѣнена другою фразой. Я буду весьма обязанъ тому, кто укажетъ мнѣ хотя бы одно выраженіе Даля, или устраненное, или же замѣненное другимъ. Даль остается Далемъ, и ссылки на него и теперь, по 3-му изданію, вполнѣ «допустимы».

Стало-быть, не можетъ быть рѣчи ни о «подлогѣ» и «фальсификаціи», ни о

[illegible] примѣры у разныхъ [illegible] приложеніяхъ въ словарю Даля разставлены тоже фразы изъ заявленій и проявленій «обрусителей», «антисемитовъ», «офиціальныхъ патріотовъ», такъ-называемыхъ «черносотенцевъ» и т. д. Преобладаніе въ объясненіи отдѣльныхъ словъ той или иной окраски объясняется просто случайностью набраннаго мною матеріала,—и это, конечно, большой недостатокъ.

Что касается «сквернословій», «ругательствъ», «мерзостей площаднаго жаргона» и т. д., то лексикографъ не имѣетъ права урѣзывать и кастрировать «живой языкъ». Разъ извѣстныя слова существуютъ въ умахъ громаднаго большинства народа и безпрестанно выливаются

и его статья оживленно обсуждалась въ кулуарахъ палаты депутатовъ.

Изъ этой статьи прежде всего слѣдуетъ, что лидеръ объединенныхъ соціалистовъ предпочелъ бы выждать иниціативы самого Клемансо или какого-нибудь депутата изъ его ближайшихъ приверженцевъ, чтобы получить объясненія по данному вопросу. Но и въ противномъ случаѣ онъ все-таки самъ попытается дать ходъ интерпелляціи соціалиста Мелье. Послѣдній тѣмъ временемъ успѣлъ уже собрать до полсотни подписей подъ проектомъ резолюціи протеста противъ русскаго займа, которую онъ намѣренъ предложить вотуму палаты. Жоресъ выражается такъ:

этой версіи, заявили, что въ виду опасенія, а также угрызеній совѣсти французской публики, слѣдовало бы лучше обождать и представить проектъ займа новой думѣ. И это было бы полезнымъ условіемъ какъ въ интересахъ французскихъ держателей, такъ и въ интересахъ русской свободы, такъ какъ только русская свобода, обезпечивая контроль надъ финансами и экономическое развитіе страны, способна гарантировать платежи кредиторамъ. Но г. Извольскій, какъ меня увѣряютъ, уклонился отъ какого-либо обязательства въ этомъ смыслѣ. Онъ заявилъ, что если вторая дума окажется въ та-

ставителями рабочихъ союзовъ [illegible] римые абсолютисты-предприниматели, составляющіе большинство въ Германіи, считаютъ чуть ли не преступленіемъ. Печальнѣе всего то, что подобныхъ же воззрѣній придерживаются руководители государственныхъ предпріятій. Докладчикъ указалъ въ заключеніе на похвальныя усилія берлинскаго промышленнаго суда [illegible] заключенію коллективныхъ тарифовъ.

Предсѣдатель центральнаго совѣта гиршъ-дункеровскихъ союзовъ Гаутманъ жаловался на то, что у рабочихъ нѣтъ полнаго права коалиціи и что предприниматели во многихъ предпріятіяхъ отказываются принимать на работу организованныхъ рабочихъ.

ФРАНЦІЯ.—Инструкціи епископовъ.

Въ виду приближенія 12 декабря (н. с.), когда церковныя имущества, управляемыя «фабриками», должны быть секвестрованы, согласно закону объ отдѣленіи церкви отъ государства, и затѣмъ переданы въ распоряженіе коммунъ, католическіе епископы (архіепископы Руана, Ренна, Тулузы, епископы Нанта, Байонны, Сэнъ-Флура, Отена, Гренобля и др.) разослали инструкціи «фабрикантамъ» (членамъ совѣтовъ «фабрикъ») относительно порядка передачи церковнаго имущества въ руки свѣтскихъ властей. «Фабрикантамъ» рекомендуется принятіе болѣе или менѣе аналогичныхъ мѣръ по ликвидаціи церковныхъ долговъ, а также по составленію отчетности церковныхъ кассъ. Въ заключеніе, всѣ архипастыри рекомендуютъ своимъ «овцамъ» вынести въ послѣднемъ засѣданіи резолюцію съ выраженіемъ преданности св. отцу и покорности епископскимъ указаніямъ. Кромѣ того, епископы строго напоминаютъ о полномъ запретѣ для католиковъ принимать какое-либо участіе въ вѣроисповѣдныхъ ассоціаціяхъ, требуемыхъ закономъ объ отдѣленіи, а равно и оказывать имъ какое-либо содѣйствіе.

МОСКВА.

(По телефону).

22-го ноября.

Похороны В. А. Гольцева.

22-го ноября. Москва хоронила Виктора Александровича Гольцева. Отпѣваніе тѣла происходило въ арбатской церкви св. Николы на Пескахъ. Въ церковь собрались профессора университета, литераторы, артисты, члены партіи народной свободы, сотрудники всѣхъ прогрессивныхъ московскихъ изданій, много студентовъ и др. На гробъ покойнаго В. А. была возложена масса вѣнковъ съ различными надписями, отмѣчавшими свободолюбіе покойнаго, его борьбу за правду и справедливость, причемъ были вѣнки отъ университета, политическихъ клубовъ, Малаго и Художественнаго театровъ, [illegible] хологическаго общества, общества [illegible] выхъ университетовъ, всѣхъ москов[illegible] прогрессивныхъ газетъ и журналовъ, [illegible] тіи народной свободы, женщинъ съ [illegible] писью «защитнику и поборнику равноправія женщинъ» и мн. др. Процессія [illegible] церкви направилась къ Ваганьковскому кладбищу, гдѣ и состоялось погребеніе. На могилѣ произнесли рѣчи [illegible] повѣренный Ледницкій, указавшій на [illegible] что покойный всегда являлся сторон[illegible] комъ національной самостоятельности [illegible] врагомъ всякихъ угнетателей чужой на[illegible] ціональности.

Къ характеристикѣ русской интеллигенціи.

Быть можетъ, еще не всѣ читатели забыли любопытныя размышленія о «мѣщанствѣ и русской интеллигенціи» Мережковскаго и проф. Овсянико-Куликовскаго, печатавшіяся прошлой зимой въ «Полярной Звѣздѣ» («Пол. Зв.» № 1 и 3). Нравственному мѣщанству, въ которомъ потонула вся европейская цивилизація, Мережковскій противопоставляетъ «небывалое, единственное въ мірѣ, общество, или сословіе, или касту, или вѣру, или заговоръ»—русскую интеллигенцію,—ту интеллигенцію, которая дала Толстого и Достоевскаго, декабристовъ и революціонеровъ, нигилистовъ и мистиковъ. Возражая Мережковскому, проф. Овсянико-Куликовскій указывалъ, что мѣщанство, понимаемое, какъ узость и неоригинальность духовной жизни, какъ растворенiе личности въ безличной средѣ, есть общечеловѣческое явленіе—menschliches, allzu menschliches! — присущее всякой средѣ и всякой соціальной группѣ, и что въ этомъ отношеніи то «небывалое общество», которое зовется «русской интеллигенціей», не составляетъ принципіальнаго исключенія. Оба писателя, каждый съ своей точки зрѣнія, были безспорно правы, и главный интересъ ихъ статей состоялъ не въ рѣшеніи, а въ самой постановкѣ вопроса, въ сопоставленіи понятій «мѣщанства» и «интеллигенціи».

Недавно вышелъ любопытный и обстоятельный двухтомный трудъ, всецѣло посвященный этой темѣ. Это—книга г. Иванова-Разумника «Исторія русской общественной мысли», носящая характерный подзаголовокъ: «Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX вѣка». Авторъ задался цѣлью прослѣдить мотивы «индивидуализма» и «мѣщанства» въ исторіи русской общественной мысли, начиная съ екатерининской эпохи и кончая нашимъ временемъ. Однако его работа носитъ не историческій, а преимущественно философско-публицистическій характеръ: происхожденіе и историческая связь общественныхъ теченій не представляютъ для него самостоятельнаго интереса; историческія данныя служатъ ему лишь канвой, въ которой онъ прослѣживаетъ разнообразные узоры и комбинаціи основныхъ, интересующихъ его, философскихъ мотивовъ.

Центральнымъ понятіемъ книги, на которомъ сосредоточиваются всѣ ея мысли, является понятіе *мѣщанства въ этическомъ смыслѣ*, и въ этомъ — отмѣтимъ сразу же—состоитъ безспорное ея достоинство. Понятіе мѣщанства берется въ значеніи, приданномъ ему Герценомъ, т. е. не какъ экономическая, а какъ моральная или культурно-философская категорія. Это понятіе,—говоритъ авторъ,—шире понятія буржуазіи, «такъ какъ внѣклассовость и внѣсословность являются его характерными признаками». «Мѣщанство—это *частность, плоскостность и безличность*, узость формы, плоскость содержанія и безличность духа; иначе говоря, не имѣя опредѣленнаго *содержанія*, мѣщанство характеризуется вполнѣ опредѣленнымъ *отношеніемъ* къ какому бы то ни было содержанію: самое глубокое оно дѣлаетъ самымъ плоскимъ, самое широкое—самымъ узкимъ, рѣзко-индивидуальное и яркое—безличнымъ и «тусклымъ». «Мѣщанства—это трафаретность, символъ вѣры мѣщанство—это «быть какъ всѣ»; мѣщанство, какъ группа, есть поэтому та «сплоченная посредственность» (conglomerated mediocrity, по цитируемому Герценомъ выраженію Милля), которая всюду и всегда составляла *толпу*, доминирующую въ жизни» (курс. подл.).

Вся исторія русской общественной мысли или тождественная съ ней, по мнѣнію автора, исторія русской интеллигенціи разсматривается г. Ивановымъ, какъ сплошная борьба съ мѣщанствомъ въ указанномъ смыслѣ. Такое этическое или философское истолкованіе общественныхъ теченій, вмѣсто обычнаго соціальнаго или политическаго, является цѣнной новостью и свидѣтельствуетъ объ извѣстной вдумчивости автора. Но въ тѣснѣйшей связи съ этимъ вѣрнымъ мотивомъ явственно ощущается и нѣкоторая неправильность постановки вопроса. «Мѣщанству» авторъ противопоставляетъ, съ одной стороны, философскую категорію *индивидуализма*, съ другой стороны—реальное общественно-историческое явленіе—*русскую интеллигенцію*. Уже съ чисто логической точки зрѣнія тутъ очевидна погрѣшность—отсутствіе опредѣленнаго принципа классификаціи. Гораздо важнѣе, однако, что это противопоставленіе есть результатъ не только формально-логическаго lapsus'a, но и непродуманности и неясности въ пониманіи существа вопроса. Если бы понятіе *интеллигенціи* было модифицировано параллельно видоизмѣненію понятія «мѣщанства», если бы на мѣсто его обычнаго значенія, какъ извѣстной соціальной группы, было поставлено пониманіе интеллигенціи, какъ идеальнаго собирательнаго названія для всѣхъ людей, обладающихъ оригинальной духовной жизнью или стремящихся къ торжеству индивидуализма—тогда и только тогда было бы правомѣрно противопоставленіе «интеллигенціи» «мѣщанству». Въ противоположность этому, авторъ даже особенно заботливо подчеркиваетъ соціально-историческій характеръ понятія интеллигенціи: интеллигенція есть «опредѣленная общественная группа», и притомъ группа «преемственная», существующая «съ середины XVIII вѣка»; возрастъ этой группы опредѣляется приблизительно въ полутораста лѣтъ. Сообразно съ этимъ, хотя мѣщанство пополняется всѣми классами и сословіями, но въ составъ его не входитъ лишь одна соціальная группа—именно эта интеллигенція.

Позволительно усумниться въ реальности подобной невиданной соціальной группы, которая почему-то именно полтораста лѣтъ тому назадъ родилась для борьбы съ вѣковѣчнымъ зломъ человѣческой жизни—узостью, посредственностью и безличностью, и которая сама, въ противоположность всѣмъ другимъ группамъ, классамъ и слоямъ, абсолютно чиста отъ этого общечеловѣческаго зла. Позволительно утверждать, что такой группы никогда не существовало и существовать не можетъ—по той *простой причинѣ*, что не только подлинное обладаніе оригинальностью и развитой индивидуальностью, но даже дѣйствительное пониманіе этихъ цѣнностей и вкусъ къ нимъ могутъ быть присущи лишь отдѣльнымъ личностямъ, и никогда не могутъ составлять монополіи какой либо соціальной группы. Очевидно, что, незамѣтно для самого себя, г. Ивановъ Разумникъ подмѣниваетъ понятіе борьбы съ «этическимъ мѣщанствомъ» понятіемъ оппозиціи противъ сложившейся среды, т.-е. понятіемъ общественнаго протеста вообще, и такимъ путемъ приходитъ вмѣстѣ съ Лавровымъ къ наивной конструкціи интеллигенціи, какъ собранія «критически мыслящихъ» и «творческихъ личностей»—конструкціи, въ которой этическія, интеллектуальныя и политическія черты сливаются въ одно смутное, расплывчатое цѣлое.

Пора уже, думается намъ, оставить это мифологическое представленіе о русской интеллигенціи, какъ о какой то идеальной республикѣ личностей, одаренныхъ сверхчеловѣческими добродѣтелями, чуждыхъ всякой обыденности («мѣщанства») и полныхъ творческими замыслами. Пора признать, что, несмотря на все культурно-психологическое своеобразіе русской интеллигенціи и на всѣ ея морально-политическія заслуги, она все же есть лишь историческое, и, стало быть, человѣческое явленіе, которому не чужды человѣческія слабости, и которое поэтому не можетъ разсматриваться, какъ живое воплощеніе этическаго идеала. И пора, кажется, начать искать этотъ идеалъ не въ «русскомъ интеллигентѣ», а въ «человѣкѣ»!

Намъ возразятъ, быть можетъ, фактическимъ указаніемъ—содержащимся, напр. и въ отмѣченной выше статьѣ Мережковскаго,—что русская интеллигенція есть дѣйствительно какая-то небывалая, единственная въ своемъ родѣ группа по тому обилію людей оригинальныхъ, независимо мыслящихъ и духовно свободныхъ, которое она поставляетъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ это указаніе вполнѣ вѣрно. «Мыслящій русскій—говоритъ еще Герценъ—самый независимый человѣкъ въ мірѣ». Фактъ этотъ объясняется, какъ намъ приходилось уже говорить въ другомъ мѣстѣ, слабостью культурныхъ традицій и всякаго рода «устоевъ» въ русской жизни, благодаря чему личному творчеству открытъ у насъ болѣе широкой просторъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но въ этомъ отношеніи необходимо и въ высшей степени важно отличать два совершенно различныхъ понятія интеллигенціи, слитыя у г. Иванова-Разумника: интеллигенцію въ широкомъ и узкомъ смыслѣ. Интеллигенція въ широкомъ смыслѣ есть чисто идеальное собирательное понятіе совокупности лицъ, обладающихъ оригинальнымъ духовнымъ складомъ, углубляющихъ и расширяющихъ пониманіе жизни. Г. Ивановъ-Разумныхъ, повидимому, исходитъ вначалѣ именно изъ этой категоріи. «Для исторіи русской интеллигенціи—говоритъ онъ—Пушкинъ или Чеховъ имѣютъ не меньшее значеніе (мы сказали бы: большее! *С. Ф.*), чѣмъ Пестель или Бакунинъ». Самыми типичными образами и образцами русской интеллигенціи въ этомъ смыслѣ являются Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Герценъ, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Чеховъ. Интеллигенція же въ узкомъ смыслѣ есть дѣйствительная соціальная группа, народившаяся лишь въ 60-хъ годахъ, тѣсно сплоченная и психологически весьма однородная группа отщепенцевъ и политическихъ радикаловъ, канонъ которой подготовлялся радикальной журналистикой 60-хъ годовъ и былъ окончательно составленъ, главнымъ образомъ, Лавровымъ. Какъ бы ни оцѣнивать ту и другую «интеллигенцію», нельзя не отмѣтить глубокаго, коренного различія между ними, и потому попытку г. Иванова-Разумника слить характерныя черты той и другой въ одинъ общій типъ слѣдуетъ признать неосуществимой вообще и особенно несостоятельной съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ авторъ.

Дѣло въ томъ, что эта «вторая» интеллигенція рѣшительно чужда того этическаго признака, который г. Ивановъ-Разумникъ беретъ критеріемъ для понятія «интеллигенціи». Она вовсе не борется съ «этическимъ мѣщанствомъ», съ обыденностью, неоригинальностью и некрасивостью жизни. Самая типичная черта ея міровоззрѣнія—это замѣна философско-этическихъ и эстетико-этическихъ понятія понятіями и идеалами морально-политическими и—еще уже—соціально-политическими. Самая характерная психологическая ея черта—это внутренняя сплоченность, идейная солидарность и вытекающій отсюда консерватизмъ, поглощеніе личности традиціями группы, т.-е. именно... «мѣщанство» въ томъ смыслѣ, который придаетъ этому понятію г. Ивановъ-Разумникъ. Поэтому не только невозможно отождествлять или сливать ее съ интеллигенціей въ широкомъ смыслѣ, но, наоборотъ, слѣдуетъ признать нѣкоторымъ постояннымъ мотивомъ исторіи русской культуры глубокій и трудно преодолимой антагонизмъ между этими двумя интеллигенціями.

Факты налицо, и ихъ незачѣмъ скрывать. Герценъ называетъ эту «новую интеллигенцію» «потомками Аракчеева» и «Собакевичами революціи», Тургеневъ не можетъ съ ней примириться и осмѣиваетъ ее въ «гейдельбергскихъ арабескахъ» «Дыма», Достоевскій казнитъ ее въ «Бѣсахъ», Толстой отъ нея отрекается, Чеховъ ее не терпитъ и персифлируетъ ее въ цѣломъ рядѣ образовъ (теща профессора въ «Дядѣ Ванѣ», «Домъ съ мезониномъ», «Хорошіе люди» и др.). «Интеллигенція» въ узкомъ смыслѣ платитъ имъ той же монетой. Извѣстно враждебное отношеніе радикаловъ 60-хъ годовъ къ Герцену и Тургеневу; Писаревъ, при всеобщемъ одобреніи, развѣнчиваетъ Пушкина; Михайловскій, типичный философъ публицистъ этой «интеллигенціи въ узкомъ смыслѣ» бранитъ Чехова за мнимый общественный индифферентизмъ и находитъ въ Достоевскомъ только «жестокій талантъ», сбившійся съ истиннаго пути утѣшенія «бѣдныхъ людей» и «униженныхъ и оскорбленныхъ». Толстой, общепризнанный художественный геній, рѣшительно отвергается, какъ мыслитель и моралистъ.

Все это только примѣры, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое собственное значеніе, свой индивидуальный смыслъ, но которые, вмѣстѣ взятые, достаточны, чтобы обрисовать пропасть между двумя «интеллигенціями». Несомнѣнно, что вина въ этомъ взаимномъ непониманіи лежитъ на обѣихъ сторонахъ: доктринерской узости омертвѣвшей въ «политицизмѣ» радикальной интеллигенціи противостоитъ односторонность, мѣшающая этическимъ индивидуалистамъ справедливо оцѣнивать реалистическую соціально-политическую сторону жизни. Въ общемъ, однако, мы полагаемъ, что роль «интеллигенціи» въ узкомъ смыслѣ въ значительной мѣрѣ сыграна и что она живетъ лишь устарѣвшими традиціями, тогда какъ «интелигенція» въ широкомъ смыслѣ имѣетъ нѣкоторое вѣчное значеніе и только начинаетъ въ наше время оказывать болѣе глубокое вліяніе на умы. Во всякомъ случаѣ безспорно одно: г. Ивановъ-Разумникъ совершенно не сознаетъ того разрушительнаго, по отношенію къ старымъ интеллигентскимъ традиціямъ, значенія, которое имѣетъ его формула борьбы противъ этическаго мѣщанства за индивидуализмъ. Одно изъ двухъ: или надо остаться при старыхъ цѣнностяхъ, сводящихъ смыслъ всей жизни къ политической и соціальной борьбѣ, или, принявъ философско-этическій критерій, надо перестраивать господствующую вѣру и морально-психологическую физіономію «интеллигенціи» въ узкомъ смыслѣ. Г. Ивановъ-Разумникъ не осозналъ этой дилеммы во всей ея остротѣ, и постоянно сбивается съ одного пониманія на другое. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, такія его мысли, какъ напр. признаніе Михайловскаго яркимъ «индивидуалистомъ» или внесеніе Достоевскаго и Толстого (съ ходячей оговоркой объ ихъ исключительномъ художественномъ геніи) въ разрядъ «семидесятниковъ» и «эпигоновъ народничества (хотя въ остальномъ оцѣнка этихъ мыслителей свидѣтельствуетъ о рѣдкой вдумчивости). Любопытно, что вѣра Михайловскаго, не смотря на его отвлеченный «индивидуализмъ», по существу совпадаетъ именно съ принятой г. Ивановымъ формулой «мѣщанства»: Михайловскій усматривалъ, какъ извѣстно, идеалъ въ абсолютномъ всеобщемъ равенствѣ, не только политическомъ и соціальномъ, но и культурномъ, и рѣшительно отказывался понимать идеи Герцена, Милля и Вильгельма Гумбольдта о цѣнности своеобразія и оригинальности личности, т. е. всѣмъ людямъ предлагалъ «быть, какъ всѣ».

Такія непослѣдовательности и противорѣчія можно найти почти въ каждой главѣ книги г. Иванова-Разумника. Всѣ они вытекаютъ не только изъ непродуманности основныхъ предпосылокъ, но и изъ нѣкоторой робости, съ какою авторъ прилагаетъ свои новые критеріи къ оцѣнкѣ традиціонныхъ вѣрованій русской интеллигенціи. Обидно видѣть, какъ широкій размахъ какъ то вдругъ осѣкается, какъ понятіе интеллигенціи, охвативъ сначала Пушкина и Лермонтова, сводится въ концѣ къ знакомымъ буквамъ с.-д. и с.-р.! Мы пожелали бы автору побольше смѣлости, поменьше «мѣщанскихъ» добродѣтелей «умѣренности и аккуратности» въ его анализѣ и критикѣ.

Но если г. Ивановъ-Разумникъ останавливается на полъ пути, то все же онъ стоитъ на хорошемъ пути, и мы надѣемся, что онъ пойдетъ по немъ дальше. Самопровѣрка и самокритика—вотъ то, что нужнѣе всего сейчасъ для русской интеллигенціи, для всѣхъ насъ. Посвященная этой темѣ вдумчивая и серьезная книга г. Иванова-Разумника, несмотря на всѣ ея несовершенства, сослужитъ вѣроятно хорошую службу: читатель, котораго эта книга натолкнетъ на новыя мысли, быть можетъ, вынужденъ будетъ самъ пойти дальше, чѣмъ рѣшается итти ея авторъ.

С. Франкъ.